

DOI: 10.17805/zpu.2017.2.27

Проблема гармонии природы в творчестве Н. А. Заболоцкого: философский и религиозный контекст

И. Б. КАЗАКОВА

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В русской литературе XX в. едва ли найдется поэт, более напряженно размышлявший о сущности и предназначении природы, чем Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958). Его стихи содержат целостный взгляд на окружающий мир и поэтому могут рассматриваться как выражение определенной философии природы. Целью статьи является анализ темы гармонии природы в творчестве Заболоцкого, выявление роли тех или иных философских и религиозных концепций в формировании взглядов поэта на проблему.

В натурфилософской поэзии Н. А. Заболоцкого природная жизнь рассматривается как гармоничная и дисгармоничная одновременно. Это можно объяснить присутствием в творчестве поэта двух концепций гармонии и, соответственно, двух способов решения проблемы дисгармонии. Первая концепция восходит к неоплатонической традиции, приверженцами которой были И. В. Гёте — один из наиболее близких Н. А. Заболоцкому по своему мировоззрению поэтов — и представители романтической эстетики. Согласно этой концепции дисгармония в универсуме, проявляющаяся или в виде физического несовершенства, или в виде морального зла, — это частность, не нарушающая предустановленного мирового порядка.

Вторая концепция близка православной точке зрения на природу как динамическую реальность, которая постепенно совершенствуется, избавляется от дисгармонических явлений и движется к идеальному гармоничному состоянию — деификации. Ключевую роль в этом процессе играет человечество, которое, вступив в разлад с Богом, нарушило и природную гармонию, поэтому теперь люди должны помочь природе избавиться от противоречий. Мысли о деификации дополняются в поэтическом мире Н. А. Заболоцкого идеей научного прогресса в духе К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и философии космизма.

Для выражения идеи природной гармонии Н. А. Заболоцкий пользуется образностью, восходящей к пифагорейскому учению о музыке небесных сфер. Поэт не соединяет обе концепции в одно непротиворечивое учение, и присутствие в его творчестве двух точек зрения на проблему дисгармонии природы свидетельствует о сложности его мировоззрения, о насыщенном философском и культурном контексте его творчества.

Ключевые слова: Н. А. Заболоцкий; природа; гармония; дисгармония; пифагорейство; неоплатонизм; деификация

ВВЕДЕНИЕ

В русской литературе XX в. едва ли найдется поэт, более напряженно размышлявший о сущности и предназначении природы, чем Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958). Его стихи содержат целостный взгляд на окружающий мир и поэтому могут рассматриваться как выражение определенной философии природы. Несомненно, что натурфилософия Заболоцкого проистекает в первую очередь из непосредственного мирозерцания поэта, но в формировании его отношения к природе важную роль сыграли и различные философские, религиозные и научные концепции.

Исследователи творчества поэта неизменно уделяют большое внимание выявлению истоков его натурфилософии, поскольку обращение к этим истокам позволяет расширить культурный контекст поэзии Заболоцкого, обогатить ее понимание новыми интеллектуальными связями. Благодаря проделанной этими исследователями работе натурфилософия Заболоцкого воспринимается в настоящее время как сложная система представлений, восходящих к разным философским и естественно-научным учениям от Античности до XX в. Н. Н. Заболоцкий, сын и биограф поэта, так обозначает спектр этих возможных влияний: «Из известных нам литературных источников, которыми поэт питал свою мысль, следует назвать работы Платона, Дарвина и Энгельса, Гёте и Хлебникова, Гр. Сковороды и Тимирязева, Вернадского и Циолковского» (Заболоцкий, 1998: 187). Часто в Заболоцком видят продолжателя (или завершителя) традиций русской философской поэзии, представленной Боратынским и Тютчевым (Ростовцева, 1999: 14). Из западноевропейских авторов, повлиявших на его творчество, упоминается в первую очередь Гёте: исследователи признают воздействие его натурфилософии на мировоззрение Заболоцкого (Павловский, 1984: 32–34), указывают на отпечатки гетевских идей и образов в его отдельных произведениях (Шайтанов, 2003: 173–174; Македонов, 1987: 203). Также в его творчестве отмечают влияние античного платонизма (Masing-Delic, 1992: 267) и атомизма (Ермоленко, 2003), алхимические аллюзии (Лошилов, 2003), из источников, более близких к современности, упоминаются Шеллинг (Goldstein, 1993: 114) и Р. Штайнер (Goldstein, 2003: 124–128).

Во всем этом многообразии интересов, отмеченных исследователями в творчестве Заболоцкого, имеется и определенная закономерность: большая часть повлиявших на него мыслителей придерживаются пантеистических воззрений на мир. «Сугубый архаик и космолог», по определению Й. ван Баака (Баак, 2003: 50), Заболоцкий видел

в природе живое единство (как неоплатоники И. В. Гёте и Ф. В. Й. Шеллинг, как романтики), верил в одухотворенность материи (как тот же И. В. Гёте или К. А. Тимирязев) и в духовный прогресс природы или космоса при участии человеческого разума (как космисты В. И. Вернадский и К. Э. Циолковский).

Эта философия охватывает все важнейшие мировоззренческие вопросы, но не лишена и противоречивых моментов, самый заметный из которых — сочетание в природной жизни гармонии и дисгармонии. Как замечает Н. Н. Заболоцкий, у поэта «утвердилось двойное восприятие природы. Он видел в ней одновременно ученика и наставника, вместилище хаоса, жестокости и в то же время — носителя мудрых законов, направленных на утверждение гармонии» (Заболоцкий, 1998: 198). В основе этого противоречия, скорее всего, лежат колебания мировоззрения Заболоцкого между монистическим и дуалистическим пониманием природы.

Сам поэт считал себя монистом, подразумевая под монизмом единство духа и материи (Заболоцкий, 1979: 225). Монизм предполагает гармонию частей, подчиняющихся единым законам и образующих целое, однако в творчестве Заболоцкого можно найти немало примеров дисгармоничного видения природы, что заставляет исследователей его творчества усомниться в абсолютной убежденности поэта в единоначалии мира. Так, Г. В. Филиппов отмечает разъединенность человека и природы у Заболоцкого, что не вписывается в монистическую концепцию мира (Филиппов, 1984: 161), И. Ростовцева видит причину дисгармонии поэтического мира автора «Торжества земледелия» в том, что природа у него реагирует на зло в человеке (Ростовцева, 2002: 130). Т. В. Меньшиков приходит к мысли, что Заболоцкий достигает в своем творчестве ощущения «соборного единоначалия мира» (Меньшиков, 2011: 166), но это ощущение приводит поэта к утверждению «приоритета духовного перед материальным» (там же: 167), т. е. мироздание в философии природы Заболоцкого остается разделенным на два начала, и гармония возникает только в области духовного.

Представляется, что вопрос о гармонии или дисгармонии природы — один из ключевых к пониманию натурфилософии Заболоцкого, поскольку он связан с проблемой объяснения зла в природе, с вопросом о роли человека в природной жизни и со многими другими. Чтобы лучше понять, каким образом поэт представляет себе гармонию мира, как объясняет его дисгармоничные проявления и видит ли возможность их преодоления, необходимо проанализировать тему гармонии (или ее отсутствия) в творчестве Заболоцкого, выявить роль тех или иных философских и религиозных концепций в формировании взглядов поэта на проблему. В этом случае многие сочинения автора «Безумного волка» и «Торжества земледелия» дополнятся новыми культурными смыслами и интеллектуальными связями.

ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСГАРМОНИИ В ПРИРОДНОЙ ЖИЗНИ И ПОНЯТИЕ ГАРМОНИИ

Заболоцкий в своих стихах часто обращается к проблеме дисгармоничности природного мира и вопросу о путях достижения гармонии, однако не всегда смысл этих понятий у него достаточно очевиден. Пожалуй, наиболее прямо поэт формулирует свое понимание гармонии и дисгармонии в «Лодейникове» (1932–1947) и в стихотворении «Я не ищу гармонии в природе» (1947). В первом случае речь идет о двояком восприятии природы героем поэтического отрывка. Издалека, в целостном виде природа представляется Лодейникову гармоничной и совершенной:

Над селеньем
 Всходил туманный рог луны,
 И постепенно превращалось в пенье
 Шуршанье трав и тишины.
 Природа пела. Лес, подняв лицо,
 Пел вместе с лугом. Речка чистым телом
 Звенела вся, как звонкое кольцо

(Заболоцкий, 1972: 182).

Однако присмотревшись и прислушавшись к природе, Лодейников начинает различать отдельные явления и звуки, и впечатление единства и согласия развеивается:

Так вот она, гармония природы,
 Так вот они, ночные голоса!
 Так вот о чем шумят во мраке воды,
 О чем, вздыхая, шепчутся леса!
 Лодейников прислушался. Над садом
 Шел смутный шорох тысячи смертей.
 Природа, обернувшаяся адом,
 Свои дела творила без затей.
 Жук ел траву, жука клевала птица,
 Хорек пил мозг из птичьей головы,
 И страхом перекошенные лица
 Ночных существ смотрели из травы

(там же: 183).

Убежденность, что гармония природы обманчива, что повсюду в ней царят разрушение и смерть, является отправной точкой размышлений и во втором стихотворении:

Я не ищу гармонии в природе.
 Разумной соразмерности начал
 Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
 Я до сих пор, увы, не различал.
 Как своенравен мир ее дремучий!
 В ожесточенном пении ветров
 Не слышит сердце правильных созвучий,
 Душа не чует стройных голосов

(там же: 173).

Заболоцкий трактует понятие гармонии в его изначальном музыкальном смысле, помещая его в окружение звуковых образов. Традиция восприятия мира с точки зрения музыкальной гармоничности восходит в истории эстетической мысли еще к пифагорейству, в котором под гармонией понималось «согласие разнообразного» (Лосев, 2000b: 290), необходимое для оформления мира (там же: 289–293). Мир в пифагорействе предстает как музыкально-числовой космос, в котором все, от небесных тел до человеческой души, имеет гармоническую структуру, которая проявляется, в том числе, в виде звуковых колебаний (там же: 294).

А. Ф. Лосев отмечает, что именно пифагореизм стоял у истоков натурфилософского мировоззрения, а его музыкальная космология оказала огромное влияние на дальнейшее развитие античной философии и проявляла себя в самых разных философско-эстетических и религиозно-теософских учениях вплоть до нашего времени

(там же: 294–295). Так, например, один из основателей романтической эстетики — Ф. В. Й. Шеллинг увидел в музыкальной гармонии физическое выражение многообразия в единстве, которое восходит к Абсолюту — единому источнику мира (Шеллинг, 1999: 234). Романтик Ф. И. Тютчев в стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» (с которым явно полемизирует Заболоцкий в обоих процитированных выше сочинениях) также изобразил гармонию мироздания в пифагорейском духе. Тютчев увидел проблему не в недостатке согласованности в универсуме, а в отпадении человека от этого всеобщего согласия, а Заболоцкий обнаружил отсутствие гармонии и в самой природе.

Дисгармония природной жизни, которую поэт видит в жестокости и неосмысленности, приобретает у него моральный смысл, становясь синонимом зла, что не противоречит пифагореизму и выросшей из него традиции понимать природу и жизнь человеческой души, в том числе ее моральную сторону, как явления одного порядка.

ГАРМОНИЯ ЦЕЛОГО ПРОТИВ ДИСГАРМОНИЧЕСКИХ ЧАСТНОСТЕЙ

Из приведенных выше описаний дисгармоничной природы в поэзии Заболоцкого можно сделать вывод, что поэт вспоминает о пифагорейской концепции всеобщей гармонии только для того, чтобы от нее отказаться. Однако в произведениях Заболоцкого можно встретить и картины гармоничной природы. Сущность этого разногласия кроется в различных способах восприятия мира: гармония открывается слуху и взору космолога и эстета, но для натурфилософа имеют значение и частности природной жизни, и потому царящие в природе зло и смерть не дают ему слышать гармонию небесных сфер и земных стихий. Но нередко художник в нем берет верх над моралистом и утопистом, и тогда он готов увидеть и услышать красоту и гармонию окружающего неусовершенствованного мира. Так, удивительно гармоничной природа предстает в «Вечере на Оке» (1957):

Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь

(Заболоцкий, 1972: 333).

Звуковая образность — изначальная для этой проблематики — избирается поэтом для передачи гармоничного состояния природы на рассвете в стихотворении «Утро» (1946):

Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На ветке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист

(там же: 209).

Гармония природы передается у Заболоцкого с помощью не столько величественных, сколько живых и теплых образов. Эту теплоту и камерность поэт сознатель-

но противопоставляет масштабным пифагорейским построениям в стихотворении «Поздняя весна» (1948), в котором пение соловья объявляется прообразом гармонии вселенной:

Я, как древний Коперник, разрушил
 Пифагорово пенье светил
 И в основе его обнаружил
 Только лепет и музыку крыл

(там же: 252).

Однако при всей своей совершенности гармония мира у Заболоцкого неустойчива. Она будто балансирует на грани, за которой сразу же превращается в свою противоположность. Отсюда — оттенок болезненности и хрупкости, который почти всегда возникает в изображении Заболоцким природной гармонии (в случаях, если речь идет о реальной природе, а не о грядущем идеале). Так, например, обстоит дело в стихотворении «Лесное озеро» (1938), в котором природа умиротворяется и гармонизируется вблизи озера:

Но странно, как тихо и важно кругом!
 Откуда в трущобах такое величие?
 Зачем не беснуется полчище птичье,
 Но спит, убаюкано сладостным сном?

(там же: 204)

Столь благостно воздействующее на окружающий мир озеро не пребывает, тем не менее, в гармонии с остальной природой:

Бездонная чаша прозрачной воды
 Сияла и мыслила мыслью отдельной.
 Так око больного в тоске беспредельной
 При первом сиянье вечерней звезды,
 Уже не сочувствуя телу больному,
 Горит, устремленное к небу ночному

(там же: 204–205).

По-видимому, озеро — земное воплощение некоего сверхприродного принципа (отсюда — «отдельность» его мысли, устремленность к небу). Источник гармонии природы — той самой, в которой происходят «битвы деревьев и волчьи сраженья» и «пьют насекомые сок из растенья» (там же: 204), — находится за ее пределами, и его воздействие на этот мир не способно полностью преодолеть несовершенство природы. Подобная точка зрения на проблему гармонии вполне вписывается в контекст романтической эстетики Шеллинга, а также воззрений И. В. Гёте — поэта и мыслителя, горячо любимого Заболоцким. И у Шеллинга, и у Гёте эти идеи восходят к неоплатонизму, согласно которому материальная природа — несовершенное отражение умопостигаемого идеального мира. Вопрос о гармонии и дисгармонии в неоплатонизме связан с концепцией прекрасного, которое понимается как результат участия идеи в материи. Идеи спускаются в материальный мир, оформляя и одушевляя его. Воплощение идеального мира в вещах может быть более или менее полным, и судить о степени присутствия идеи в материи можно по красоте вещей и явлений. Отсутствие красоты или ее недостаток в отдельных вещах — следствие неправильного соединения идеи с материей. Так в неоплатонизме объясняется наличие в мире зла.

Зло в неоплатонизме выступает как случайное обстоятельство. Например, когда душа, сама по себе являющаяся благом, падает в материю, смешивается с нею и ослабевает, тогда в душе и возникает зло как отход от совершенства. В зле, понимаемом таким образом, неоплатонизм не видит чего-то ужасного, с чем непременно надо бороться и с чем нельзя примириться. Присутствие зла в отдельных местах мироздания компенсируется совершенством мира в целом — таково оправдание неоплатониками всего злого и безобразного. Плотин, основатель неоплатонизма, говорит: «Не следует бранить этот мир за то, что он не прекрасен и не является лучшим из всего того, что телесно, а также не следует обвинять то, что явилось причиной его появления <...>. Она (высшая сущность, Единое. — *И. К.*) породила его всепрекрасным в целом, так что бранить целое из-за несовершенства частей — нелепо» (цит. по: Лосев, 2000а: 916). Так для неоплатонизма любой беспорядок становится порядком и гармонией, если смотреть на него с точки зрения Всеединства, а всякое зло становится дополнением к добру.

Подобным же образом трактуют проблему зла, понимаемого в эстетическом ключе как дисгармония, мыслители и художники, близкие к неоплатоническому взгляду на мир. Так, Гете в «Фаусте» поэтически излагает концепцию онтологического зла в диалоге главного героя с Мефистофелем. На рассуждения последнего о том, что зло — это часть мирового целого, ведущая неустанную борьбу с твореньем и тем самым способствующая его обновлению, Фауст замечает:

Так вот он в чем, твой труд почтенный!
Не сладив в целом со вселенной,
Ты ей вредишь по мелочам?

(Гёте, 1976: 51).

И Мефистофель вынужден согласиться, что все усилия зла напрасны и разрушить бытие ему не удается.

Как Гёте и другие неоплатоники, Заболоцкий видит зло и ощущает дисгармонию природы, но, подобно автору «Фауста», чувствует и торжествующую гармонию мирового целого. Именно в силу существования этой гармонии природа у него смеется, «умирая каждый миг» (Заболоцкий, 1972: 89), «любовь уравнивает горе и тьму всегда преодолевает свет» (Заболоцкий, 1995: 550). Жестокость отдельных проявлений природы компенсируется ее непобедимой жизненной силой — это мы видим в таких контрастных по содержанию стихотворениях, как «Начало зимы» (1935) и «Весна в лесу» (1935), или в стихотворении «Засуха» (1936).

В «Начале зимы» поэт рисует картину замерзания — умирания — реки:

Заковывая холодом природу,
Зима идет и руки тянет в воду.
Река дрожит и, чуя смертный час,
Уже открыть не может томных глаз...

(Заболоцкий, 1972: 187)

В «Весне в лесу» изображается пробуждение природы:

В каждом маленьком растеньице,
Словно в колбочке живой,
Влага солнечная пенится
И кипит сама собой.

И над песнями, над плясками
 В эту пору каждый миг,
 Населяя землю сказками,
 Пламенеет солнца лик

(там же: 190–191).

В «Засухе» к иссушенной природе жизнь возвращается вместе с дождем. Эти контрастные картины напоминают описание вселенной в песнопениях архангелов, которым Гёте в «Фаусте» открывает «Пролог на небе»:

В пространстве, хором сфер объятom,
 Свой голос солнце подает,
 Свершая с громовым раскатом
 Предписанный круговорот.

И молния сбегает змеем,
 И дали застилает дым,
 Но мы, господь, благоговеем
 Пред дивным промыслом твоим

(Гете, 1976: 15–16).

То есть, по мнению гетевских архангелов, гармонию мироздания не могут нарушить отдельные дисгармоничные явления. И эту мировую гармонию, вопреки своим же утверждениям, без труда обнаруживает и Заболоцкий:

А на вершинах Зодиака,
 Где слышен музыки орган,
 Двенадцать люстр плывут из мрака,
 Составив круглый караван

(Заболоцкий, 1972: 125).

Признание гармоничности существующего мира при всех его несовершенствах — это, как мы выяснили, не редкость для поэзии Заболоцкого. Однако в его творчестве есть и другая тенденция, другое решение проблемы дисгармонии в природе. Во многих своих стихах и целых поэмах, таких как «Торжество земледелия» (1929–1930) и «Безумный волк» (1931), Заболоцкий провозглашает наступление эпохи обновленной природы, лишенной всех ее нынешних недостатков. В этой природе мирно сосуществуют растения, животные и люди, и по своей гармоничности она не уступает пифагорейской музыке сфер. Основа этой гармонии — научная:

Я закрываю глаза и вижу стеклянное здание леса.
 Стройные волки, одетые в легкие платья,
 Преданы долгой научной беседе.
 Вот отделился один,
 Поднимает прозрачные лапы,
 Плавно взлетает на воздух,
 Ложится на спину,
 Ветер его на восток над долинами гонит.
 Волки внизу говорят:
 «Удалился философ,
 Чтоб лопухам преподавать
 Геометрию неба»

(Заболоцкий, 1972: 159).

Нетрудно обнаружить в этой картине из «Безумного волка» и в других подобных описаниях отголоски идей В. И. Вернадского о том, что «биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки» (Вернадский, 1991: 37). Эти идеи Заболоцкий дополняет мыслью К. А. Тимирязева о разлитом в природе сознании (Заболоцкий, 1998: 190) и даже учением о всеобщем воскрешении людей Н. Ф. Федорова. Такого рода будущее изображается, например, в «Торжестве земледелия»:

Здесь волк с железным микроскопом
Звезду вечернюю поет,
Здесь конь с редиской и укропом
Беседы длинные ведет.
И хоры стройные людей,
Покинув пастбища эфира,
Спускаются на стогны мира
Отведать пищи лебедей

(Заболоцкий, 1972: 143).

ДИСГАРМОНИЧНАЯ ПРИРОДА СТРЕМИТСЯ К ГАРМОНИИ

Взгляды оказавших влияние на Заболоцкого К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и Н. Ф. Федорова принадлежат к традиции космизма — беспорного продолжения неоплатонической философии. Однако идея о грядущем конечном преобразовании материального мира не характерна для неоплатонизма, для которого все существует по циклическим законам. Эта идея скорее соответствует восточно-христианскому учению о деификации природы, влияние которого заметно и в концепции Н. Ф. Федорова, и, по мнению С. Пратт, в натурфилософии Заболоцкого (Pratt, 2003).

Речь идет о православном понимании сотворенного мира как динамической реальности, имеющей определенную цель. Один из защитников подобного взгляда на природу, Максим Исповедник (580–662), утверждал, что сотворенная природа невозможна без движения, она «потеряла бы само свое бытие (перестала бы существовать), будь она лишена присущей ей энергии, присущей ей цели и присущей ей динамической тождественности» (Мейендорф, 2001: 235). Цель природы — «в стремлении к Богу ради вхождения в общение с Ним» (там же: 235), это состояние общения с Богом, или участия в Боге, и называется «деификация», «теозис» (обожение) или «кинония» (участие).

Но необходимость движения природы к Богу имеет и определенную причину — творение отдалилось от Создателя по вине первых людей. Так восточно-христианская космология примыкает к антропологии: судьба природы в православном богословии мыслится неразрывно связанной с судьбой человечества. Согласно Максиму Исповеднику, творению мира предшествовали мысли Бога о мире и каждой твари — логосы. Вследствие грехопадения люди перестали соответствовать своему логосу, и это привело к искажению всего остального мира. Византинист И. Мейендорф пишет об этом: «В нынешнем своем — ущербном — состоянии сотворенная природа исполняет свое предназначение совершенно неадекватным образом. Библейская, антропоцентрическая концепция мира сохранилась и в греческой патристической литературе: греческие Отцы, как и Библия, считали, что природа пострадала от грехопадения человека, «микрокосма» (малого мира), которому Бог даровал власть над природой (или поручил управлять ею), но который, вместо того, чтобы управлять природой, предпочел

ей подчиниться» (там же: 237). В итоге, природа, вместо того, чтобы раскрыть свой внутренний смысл и реализовать божественный замысел о творении, стала областью, где царят разрушение и смерть.

Пришествие Спасителя стало благой вестью и для природы, о чем, по мнению И. Мейендорфа, свидетельствует не столько богословская литература, сколько богослужебная практика и общая духовная атмосфера православия (там же: 237–238). Церковь освящает природу (Великое водосвятие на праздник Богоявления), человеческую пищу и плоды человеческого творчества, тем самым освобождая вселенную от царящих в ней разрушительных сил. Это стало возможно благодаря воскресению Христа, которое нарушило законы природы и освободило человека от подчиненного положения по отношению к ней. Теперь человек может исполнить свое предназначение в мире — быть властелином природы во имя Божие.

В подобном понимании назначения природы и ее взаимоотношений с Богом и человеком можно усмотреть некоторую недосказанность. Природа не осталась в стороне от новозаветных событий, но они затронули ее косвенно, ведь пришествие Христа и искупление им первородного греха стало началом спасения человечества, а природа остается в подчиненном по отношению к человеку положении, и ее прогресс зависит от духовного прогресса людей. Неудивительно, что внутри христианской культурной традиции время от времени появлялись отдельные художники, мыслители (или даже целые направления мысли), которым хотелось представить природу как самостоятельную сферу бытия, также имеющую право на спасение.

В поэзии Заболоцкого картины грядущего преобразования природы (при всей их эциентистской, в духе В. И. Вернадского, окрашенности) более всего соответствуют православной концепции деификации мира. Природа нуждается в спасении, и спасителем ее должен стать человек, с помощью науки создающий новую гармоничную действительность:

...Среди полей
Огромный город, возникая разом,
Зажегся вдруг миллионами огней.
Разрозненного мира элементы
Теперь слились в один согласный хор,
Как будто, пробуя лесные инструменты,
Вступал в природу новый дирижер.
Органам скал давал он вид забоев,
Оркестрам рек — железный бег турбин
И, хищника отвадив от разбоев,
Торжествовал, как мудрый исполин

(Заболоцкий, 1972: 185).

Моральный пафос Заболоцкого, постоянно повторяющаяся у него идея о необходимости освобождения природы от зла («...и не мила ей дикая свобода, / где от добра неотделимо зло» (там же: 173)) чужды воззрениям космистов, но близки христианству. Христианская основа подобных рассуждений зачастую проступает у Заболоцкого довольно явственно. Так, в «Безумном волке» смерть, преображение и вознесение главного героя разрушают темную и косную жизнь старого леса и знаменуют начало новой гармоничной эпохи. В «Лодейникове» природа чувствует, что она больна, но грядет исцеление и вместе с ним — вечность («есть на свете солнце вечных дней» (там же: 183)).

Наступление новой эры в жизни природы Заболоцкий связывает с ростом сознания, которое совершенствуется, облекаясь в новые физические формы:

Так, путешествуя
Из одного тела в другое,
Вырастает таинственный разум

(там же: 122).

Идея роста разума в природе — одна из любимых у поэта и одна из самых сложных для понимания. В том виде, в каком он ее высказывает, она не близка космистам (В. И. Вернадский сомневался в возможности такого прогресса (Вернадский, 1991: 127), а К. Э. Циолковский не связывал идею роста сознания и духовности с природой (Циолковский, 1992)), но в ней можно усмотреть аналогию с идеей динамизма творения, лежащей в основе учения о деификации природы. Однако если Заболоцкий строит свою концепцию роста разума на христианской идее, конечный результат такого совершенствования у него изображается, как было сказано выше, в виде фантастически-сциентистских картин. Еще один смысл, который поэт вкладывает в свое учение о росте разумности природы, — это ее соединение с культурой. Природа будет не только устроена на научных основах, не только приобщится к нравственности, но и благодаря человеку наполнится новым духовным содержанием:

Еще заливаются ветры, как барды,
Еще не смолкают березы Морвена,
Но зайцы и птицы садятся за парты
И к зверю девятая сходит Камена

(Заболоцкий, 1972: 214).

В целом проблема разумности природы у Заболоцкого, хотя и тесно связана с проблемой ее гармонии или дисгармонии, требует отдельного исследования и потому затрагивается здесь только косвенно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема гармонии мира, так волновавшая Заболоцкого, — одна из самых существенных в любой философии природы. Пытаясь разрешить ее, поэт привлекал к помощи различные философские и религиозные концепции, которые отвечали бы его представлениям о сущности природы и месте человека в ней. В целом вопрос о гармонии и дисгармонии природы решается в творчестве Заболоцкого двумя способами: с одной стороны, природа понимается как часть гармонично устроенного целого, на упорядоченность которого не влияют отдельные дисгармоничные явления. Эта тяготеющая к монизму точка зрения в европейской интеллектуальной традиции восходит к античной философии, платонизму и неоплатонизму. В виде эстетической теодицеи она была интегрирована в христианство, ее разделяли многие мыслители-неоплатоники Нового времени, например Гёте и Шеллинг. Неудивительно, что присущая Заболоцкому духовная близость античному мировосприятию проявилась в творчестве поэта в виде гармоничных, умиротворенных и одухотворенных картин природы, будто бы черпающей свою красоту из высшего источника.

С другой стороны, нередко природа у Заболоцкого предстает в виде царства зла и смерти, которое должно обрести духовность, гармонию и разумное устройство.

Можно предположить, что вторая точка зрения стала результатом синтеза восточно-христианского учения о природе с идеями русского космизма. Это скорее дуалистический взгляд на мир, поскольку в нем духовное начало (у Заболоцкого — разум) отделено от материальной природы и только еще стремится соединиться с ней, как и она с ним. Идея постепенного преодоления дисгармонии природы и обретения ею нового осмысленного существования привносит в натурфилософию Заболоцкого динамику, исторический подход — природа обретает у поэта собственную историю. При всей своей любви к Античности автор «Торжества земледелия» — человек другой культуры, проникнутой историческим мироощущением, поэтому статичная по своей сути первая точка зрения на гармонию как вечное и неизменное состояние мира не могла удовлетворить его полностью.

Попытка соединить обе точки зрения предпринимается Заболоцким в стихотворении «Мир однолик, но двойственна природа...» (1948). С одной стороны, в нем предлагается неоплатоническая модель гармонического мира:

Не странно ли, что в мировом просторе,
В живой семье созвездий и планет
Любовь уравнивает горе
И тьму всегда превозмогает свет?

(Заболоцкий, 1995: 550).

С другой стороны, здесь проводится мысль о движении мира к лучшему состоянию под руководством человека:

Недаром, совершенствуясь от века,
Разумная природа в свой черед
Сама себя руками человека
Из векового праха создает

(там же).

Представляется, что поэту так и не удалось соединить оба подхода в одну непротиворечивую концепцию, хотя приведенное выше стихотворение свидетельствует о таком желании. В целом отсутствие единого взгляда на проблему гармонии говорит о сложности натурфилософских взглядов Заболоцкого и о необходимости дальнейшего изучения его мировоззрения и творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баак ван, Й. (2003) Заболоцкий и мир // «Странная» поэзия и «странная» проза : филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого / под ред. Е. А. Яблокова, И. Е. Лощилова. М. : Пятая страна. 368 с. С. 50–57.
- Вернадский, В. И. (1991) Научная мысль как планетное явление. М. : Наука. 270 с.
- Гёте, И. В. (1976) Фауст / пер. Б. А. Пастернака // Гёте, И. В. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Художественная литература. Т. 2. 510 с. С. 7–440.
- Ермоленко, Г. Н. (2003) Поэмы Н. Заболоцкого 1920–1930-х годов и древнеримская философская поэзия // «Странная» поэзия и «странная» проза : филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого / под ред. Е. А. Яблокова, И. Е. Лощилова. М. : Пятая страна. 368 с. С. 129–137.
- Заболоцкий, Н. А. (1972) Избранные произведения : в 2 т. М. : Художественная литература. Т. 1. 399 с.
- Заболоцкий, Н. А. (1995) «Огонь, мерцающий в сосуде...»: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества. М. : Педагогика-Пресс. 945 с.

- Заболоцкий, Н. Н. (1998) Жизнь Н. А. Заболоцкого. М. : Согласие. 592 с.
- Заболоцкий, Н. Н. (1979) К творческой биографии Н. Заболоцкого // Вопросы литературы. № 11. С. 220–237.
- Лосев, А. Ф. (2000а) История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков : Фолио; М. : ООО «Издательство АСТ». 960 с.
- Лосев, А. Ф. (2000b) История античной эстетики: Ранняя классика. Харьков : Фолио; М. : ООО «Издательство АСТ». 624 с.
- Лоцилов, И. Е. (2003) «Царица мух» Николая Заболоцкого: буква, имя и текст // «Странная» поэзия и «странная» проза : филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого / под ред. Е. А. Яблокова, И. Е. Лоцилова. М. : Пятая страна. 368 с. С. 86–104.
- Македонов, А. (1987) Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л. : Советский писатель. 368 с.
- Мейендорф, И. (2001) Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М. : Когелет. 431 с.
- Меньшиков, Т. В. (2011) Философия природы в творчестве Н. А. Заболоцкого // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 162–167.
- Павловский, А. И. (1984) Советская философская поэзия. Л. : Наука. 184 с.
- Ростовцева, И. И. (1999) Мир Заболоцкого. М. : Издательство МГУ. 104 с.
- Ростовцева, И. (2002) Муза и собеседница (Природа в поэзии Пастернака и Заболоцкого) // Вопросы литературы. № 1. С. 123–138.
- Филиппов, Г. В. (1984) Русская советская поэзия. Человек и природа. Л. : Изд-во АГУ. 208 с.
- Циолковский, К. Э. (1992) Живая Вселенная // Вопросы философии. № 6. С. 135–158.
- Шайтанов, И. (2003) «Лодейников»: ассоциативный план сюжета // Вопросы литературы. № 6. С. 168–181.
- Шеллинг, Ф. В. Й. (1999) Философия искусства : пер. с нем. М. : Изд-во «Мысль». 608 с.
- Goldstein, D. (2003) Biodynamics and the Dynamics of Zabolotskian Thought // «Странная» поэзия и «странная» проза : филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого / под ред. Е. А. Яблокова, И. Е. Лоцилова. М. : Пятая страна. 368 с. С. 124–128.
- Goldstein, D. (1993) Nikolai Zabolotsky. Play for Mortal Stakes. Cambridge : Cambridge University Press. 324 p.
- Masing-Delic, I. (1992) Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth Century Literature. Stanford : Stanford University Press. 376 p.
- Pratt, S. (2003) A Mad Wolf, Faust, Jesus Christ and a Holy Fool: Zabolotskij's «Bezumnoj Volk», Salvation and Transfiguration // «Странная» поэзия и «странная» проза : филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого / под ред. Е. А. Яблокова, И. Е. Лоцилова. М. : Пятая страна. 368 с. С. 138–155.

Дата поступления: 30.11.2016 г.

*THE PROBLEM OF HARMONY IN NATURE IN ZABOLOTSKY'S WORKS:
PHILOSOPHIC AND RELIGIOUS CONTEXT*

I. B. KAZAKOVA

SAMARA STATE UNIVERSITY OF SOCIAL SCIENCES AND EDUCATION

It's difficult to find a poet in the Russian literature of the 20th century who gives more thought to the essence and the mission of Nature than Nikolay Alekseevich Zabolotsky (1903–1958). His poems contain a holistic view on the surrounding world, which is why they can be considered as an expression of a certain philosophy of Nature. The purpose of the article is to analyze the subject of harmony in Nature in Zabolotsky's poetry, and also to elicit the role of different philosophical and religious concepts in the formation of the poet's view on the problem.

In the nature-philosophical poetry of N. A. Zabolotsky natural life is looked upon as harmonious and disharmonious at the same time. It can be explained by the presence of two concepts of harmony in the poet's works, and, accordingly, two ways of solving the disharmony problem. The first concept dates back to the neo-Platonic tradition, supported by I. W. Goethe and representatives of romantic aesthetics. According to this concept, the disharmony in the universe that shows itself as physical imperfection or as moral evil is a minor aspect that does not undermine the world order.

The second concept approximates the Orthodox point of view on Nature as the dynamic reality which permanently improves, gets rid of disharmonic phenomena and moves to the ideal harmonic state — deification. The main role in this process is played by humanity which stands against God and violates the natural harmony; that is why humanity must help Nature to avoid all the contradictions. In Zabolotsky's poetic world the thoughts about deification are supplemented by ideas of scientific progress of C. E. Tsiolkovsky and V. I. Vernadsky, and also by the philosophy of cosmism.

To express the idea of natural harmony N. A. Zabolotsky uses imagery that dates back to the Pythagorean concept about the music of sky spheres. The poet does not join both concepts to form one consistent doctrine. The presence of the two points of view on the problem of disharmony in nature gives evidence of the complexity of his outlook on life, as well as of the deep philosophical and cultural context of his creative work.

Keywords: N. A. Zabolotsky; nature; harmony; disharmony; Pythagoreanism; Neo-Platonism; deification

REFERENCES

- Baak van, I. (2003) Zabolotskii i mir. In: «*Strannaia*» poeziia i «*strannaia*» proza : filologicheskii sbornik, posviashchennyi 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. A. Zabolotskogo, ed. E. A. Iablokov and I. E. Loshchilov. Moscow, Piataia strana. 368 p. Pp. 50–57. (In Russ.).
- Vernadskii, V. I. (1991) *Nauchnaia mysl' kak planetnoe iavlenie*. Moscow, Nauka. 270 p. (In Russ.).
- Goete, I. V. (1976) Faust, transl. by B. L. Pasternak. In: Gete, I. V. *Sobranie sochinenii* : in 10 vol. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. Vol. 2. 510 p. Pp. 7–440. (In Russ.).
- Ermolenko, G. N. (2003) Poemy N. Zabolotskogo 1920–1930-kh godov i drevnerimskaia filosofskaia poeziia. In: «*Strannaia*» poeziia i «*strannaia*» proza : filologicheskii sbornik, posviashchennyi 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. A. Zabolotskogo, ed. E. A. Iablokov and I. E. Loshchilov. Moscow, Piataia strana. 368 p. Pp. 129–137. (In Russ.).
- Zabolotskii, N. A. (1972) *Izbrannye proizvedeniia* : in 2 vol. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. Vol. 1. 399 p. (In Russ.).
- Zabolotskii, N. A. (1995) «*Ogon', mertsaiushchii v sosude...*» : *Stikhotvoreniia i poemy. Perevody. Pis'ma i stat'i. Zbizneopisanie. Vospominaniia sovremennikov. Analiz tvorchestva*. Moscow, Pedagogika-Press. 945 p. (In Russ.).
- Zabolotskii, N. N. (1998) *Zbizn' N. A. Zabolotskogo*. Moscow, Soglasie. 592 p. (In Russ.).
- Zabolotskii, N. N. (1979) K tvorcheskoi biografii N. Zabolotskogo. *Voprosy literatury*, no. 11, pp. 220–237. (In Russ.).
- Lovev, A. F. (2000a) *Istoriia antichnoi estetiki. Pozdний ellinizm*. Khar'kov, Folio; Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST». 960 p. (In Russ.).
- Lovev, A. F. (2000b) *Istoriia antichnoi estetiki: Ranniaia klassika*. Khar'kov, Folio; Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST». 624 p. (In Russ.).
- Loshchilov, I. E. (2003) «Tsaritsa mukh» Nikolaiia Zabolotskogo: bukva, imia i tekst. In: «*Strannaia*» poeziia i «*strannaia*» proza : filologicheskii sbornik, posviashchennyi 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. A. Zabolotskogo, ed. E. A. Iablokov and I. E. Loshchilov. Moscow, Piataia strana. 368 p. Pp. 86–104. (In Russ.).
- Makedonov, A. (1987) *Nikolai Zabolotskii. Zbizn'. Tvorchestvo. Metamorfozy*. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 368 p. (In Russ.).
- Meiendorf, I. (2001) *Vizantiiskoe bogoslovie. Istoricheskie napravleniia i verouchenie*. Moscow, Kogele. 431 p. (In Russ.).

- Men'shikov, T. V. (2011) *Filosofii prirody v tvorchestve N. A. Zabolotskogo. Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 162–167. (In Russ.).
- Pavlovskii, A. I. (1984) *Sovetskaia filosofskaia poeziiia*. Leningrad, Nauka. 184 p. (In Russ.).
- Rostovtseva, I. I. (1999) *Mir Zabolotskogo*. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 104 p. (In Russ.).
- Rostovtseva, I. (2002) Muza i sobesednitsa (Priroda v poezii Pasternaka i Zabolotskogo). *Voprosy literatury*, no. 1, pp. 123–138. (In Russ.).
- Filippov, G. V. (1984) *Russkaia sovetskaia poeziiia. Chelovek i priroda*. Leningrad, Izd-vo LGU. 208 p. (In Russ.).
- Tsiolkovskii, K. E. (1992) Zhivaia Vselennaia. *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 135–158. (In Russ.).
- Shaitanov, I. (2003) «Lodeinikov»: assotsiativnyi plan siuzheta. *Voprosy literatury*, no. 6, pp. 168–181. (In Russ.).
- Shelling, F. V. I. (1999) *Filosofiiia iskusstva*, transl. by Germ. Moscow, Mysl' Publ. 608 p. (In Russ.).
- Goldstein, D. (2003) Biodynamics and the Dynamics of Zabolotskian Thought. In: *«Strannaia» poeziiia i «strannaia» proza : filologicheskii sbornik, posviashchennyi 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. A. Zabolotskogo*, ed. E. A. Iablokov and I. E. Loshchilov. Moscow, Piataia strana. 368 p. Pp. 124–128. (In Russ.).
- Goldstein, D. (1993) *Nikolai Zabolotsky. Play for Mortal Stakes*. Cambridge, Cambridge University Press. 324 p.
- Masing-Delic, I. (1992) *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth Century Literature*. Stanford, Stanford University Press. 376 p.
- Pratt, S. (2003) A Mad Wolf, Faust, Jesus Christ and a Holy Fool: Zabolotskij's «Bezumnyj Volk», Salvation and Transfiguration. In: *«Strannaia» poeziiia i «strannaia» proza : filologicheskii sbornik, posviashchennyi 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. A. Zabolotskogo*, ed. E. A. Iablokov and I. E. Loshchilov. Moscow, Piataia strana. 368 p. Pp. 138–155.

Submission date: 30.11.2016.

Казакова Ирина Борисовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета. Адрес: 443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67. Тел.: +7 (846) 204-44-22; +7 (927) 200-62-86. Эл. адрес: kib_sam@mail.ru

Kazakova Irina Borisovna, Doctor of Philology, Associate Professor; Professor, Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education. Postal address: 65/67, Maxim Gorky St., Samara, Russian Federation 443099. Tel.: +7 (846) 204-44-22; +7 (927) 200-62-86. E-mail: kib_sam@mail.ru